

УДК 371.124.96 (09)

О.Г. Дудникова

СВЕТСКИЕ И ЦЕРКОВНЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ – ВОСПИТАТЕЛИ ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ (ДОПЕТРОВСКАЯ И ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА)

Домашнее воспитание и образование при дворе Романовых прошло относительно быстрое становление и развитие. Существующее на уровне бытового сознания представление о необразованности русских царей, их примитивизме при ближайшем рассмотрении оказывается не более чем идеологизированным мифом, создававшимся начиная с 1920-х гг. Воспитанием и обучением царских детей с момента зарождения данного института при дворе российских монархов занималось одновременно значительное число лиц – представителей самых разнообразных видов деятельности: от церковнослужителей и военных до преподавателей узкоспециальных дисциплин. Этот факт свидетельствует о стремлении венценосных родителей дать великим князьям и великим княжнам самое разностороннее образование с целью плодотворной подготовки их к дальнейшему служению. Помимо сведений о собственно преподавательской деятельности литераторов – домашних воспитателей и наставников при дворе в Петровскую и допетровскую эпоху – приводится характеристика произведений С. Полоцкого и Ф. Прокоповича, созданных специально для занятий с царскими детьми.

Среди домашних наставников и воспитателей при дворе Романовых было немало литераторов – как светских, так и церковных. Устойчивая традиция давать наследникам – великим князьям и княжнам – самое разностороннее, в том числе гуманитарное, образование ведет свое начало от царя Алексея Михайловича (Тишайшего). В годы его правления для обучения царских детей был приглашен Самуил Гаврилович Ситнякович-Петровский, получивший топонимическое прозвище Полоцкий и под ним вошедший в историю российской истории и культуры. Симеон Полоцкий – знаменитый церковный деятель и писатель: поэт, драматург, переводчик – был наставником детей царя Алексея Михайловича от Милославской: Алексея, Софьи и Федора. Информация о том, что С. Полоцкий был наставником Петра Алексеевича, будущего императора Петра I, имеющаяся в некоторых источниках, не подкреплена документально и вызывает сомнение. Одно из таких сообщений опубликовано в Интернете в заметке «Воспитатель Петра Великого – Симеон Полоцкий»: «В 1667 г. Симеон Полоцкий назначается царем на высокие государственные должности воспитателя царевичей и царского придворного поэта. Симеон воспитывает Федора и Петра (будущего Великого), которым дает многогранное образование, обучает латыни и польскому языку» [1].

Педагогической и воспитательной деятельностью С. Полоцкий начал заниматься на белорусской земле. Его усилиями в Полоцкой братской школе была значительно расширена программа обучения: в дополнение к белорусскому языку включались русский и польский, большее внимание уделялось грамматике, осваивались риторика и поэзия. В 1664 г. С. Полоцкий отправился в Москву, чтобы забрать вещи умершего там архимандрита Игнатия (Иевливича), однако в Полоцк не вернулся. Царь поручил ему обучать молодых подьячих Приказа тайных дел, назначив местом обучения Спасский монастырь за Иконным рядом. По уполномочию Восточных Патриархов, приехавших в Москву по делу Никона в ноябре 1666 г., Симеон произнес перед царём орацию о необходимости «взыскати премудрости», т.е. повысить уровень образования в Московском государстве. В конце 1667 г. этот труд был издан от имени царя и собора под заглавием: «Жезл правления на правительство мысленного стада православно-российской церкви, – утверждения во утверждение колеблющихся во вере, – наказания в наказание непокоривых овец, – казнения на поражение жестоковийных и хищных волков, на ста-

до Христова нападающих» [2]. В 1667 г. С. Полоцкий был назначен придворным поэтом и воспитателем детей царя Алексея Михайловича.

С. Соловьев отмечает неоднозначную ситуацию с детьми царя от брака с Милославской. У него было восемь дочерей и пять сыновей. Шесть оставшихся в живых дочерей, особенно Софья, отличались отменным здоровьем и силами духовными и была «великого ума и самых нежных проникательств, больше мужеска ума исполненная дева». Сыновья же были болезненны, слабы, трое умерло при жизни отца, из оставшихся двоих старший страдал цингой, а младший, Иван, был слаб и физически, и умственно.

С некоторой долей скептицизма воспринимается мысль о том, что воспитанники С. Полоцкого получили «многогранное образование». Нам кажется более справедливым утверждение С.М. Соловьева: «От слабого и болезненного Феодора нельзя было ожидать сильного личного участия в тех преобразованиях, которые стояли первые на очереди, в которых более всего нуждалась Россия, он не мог создавать новое войско и водить его к победам, строить флот, крепости, рыть каналы и все торопить личным содействием; Феодор был преобразователем, насколько он мог быть им, оставаясь в четырех стенах своей комнаты и спальни; этим условиям соответствовало и воспитание: Феодор был воспитанник западнорусского монаха Симеона Полоцкого, и в этом воспитании необходимо преобладал элемент церковный; польское влияние было тут» [3].

Софья, отмечает С.М. Соловьев, также воспитывалась под сильным влиянием С. Полоцкого. Поднося ей свою книгу «Венец веры», он надписал: «О благороднейшая царевна София, ищещи премудрости выну небесные. По имени твоему жизнь твою ведещи: мудрая глаголеши, мудрая дееши. Ты церковные книги обыкла читати и в отеческих свитцех мудрости искати. Уведевши же, яко и книга новая писася, яже Венец веры реченная, возжелала ту оси сама созерцати и еще в черни бывшу прилежно читати и, познавши полезну в духовности быти, велела еси чисто ону устроить». Историк заключает, что «в царствование Федора и в правление Софьи господствует направление, принесенное западнорусскими учителями; это господство выразилось в основании Славяно-греко-латинской академии» [3].

Специально для своих воспитанников С. Полоцкий написал ряд произведений: «Вертоград Многоцветный» (сборник стихотворений, предназначенный служить «книгой для чтения»), «Житие и учение Христа Господа и Бога нашего», «Книга кратких вопросов и ответов катехизических». В «Венце веры католической» Полоцкий сгруппировал всю сумму знаний, какие дали ему школа и чтение, начиная с апокрифов и кончая астрологией. Так зародилась, а затем утвердилась традиция специально для венценосных учеников создавать специальные книги и учебные пособия.

В 1678 г. удалось организовать типографию в Кремле, которая с разрешения царя Федора Алексеевича была отдана в полное распоряжение Симеона Полоцкого. В ней он напечатал свой перевод «Псалтири царя и пророка Давида». По словам М. Ломоносова, «Рифмотворная псалтирь» С. Полоцкого вместе с «Арифметикой» Леонтия Магницкого и «Грамматикой» Мелетия Смотрицкого были его «вратами учености» [4].

С. Полоцкий считается автором первоначального проекта Устава («Привилеи») Славяно-греко-латинской академии. По этому документу ректору и преподавателям предоставлялся высший контроль по делам веры и образования; на академию возлагалась обязанность бороться с ересями, причём за многие преступления Устав предусматривал сожжение. Историк С. Соловьёв писал о «Привилее»: «Московская академия по проекту царя Феодора – это цитадель, которую хотела устроить для себя православная церковь при необходимом столкновении своем с иноверным Западом; это не училище только, это страшный инквизиционный трибунал: произнесут блюстители с учителями слова: «Виновен в неправославии» – и костер запылет для преступника» [3].

Полоцкий написал множество стихотворений, составивших сборник «Рифмологии». В своих виршах он воспевал разные события из жизни царского семейства и придворных, а также нравственно-дидактические стихотворения, вошедшие в «Вертоград Многоцветный» [5] и предназначенные быть «книгой для чтения» прежде всего для царских детей – воспитанников С. Полоцкого. Далеко не полная выборка, прежде всего по названиям текстов, распределенная по тематическим группам, дает достаточно устойчивое и полное представление о миропонимании как самого автора, так и ценностных ориентациях, внушаемых С. Полоцким своим воспитанникам.

Практически все стихотворения, к какой бы тематической группе они ни относились и какие бы грани бытия ни затрагивали, базируются на нравственных принципах церковного учения, на православных ценностях, поэтому распределение по тематическим группам достаточно условно. Оно необходимо нам лишь для того, чтобы структурно более наглядно представить себе содержание «Вертограда Многоцветного», в частности, книги второй. Нередко в адрес сочинений С. Полоцкого и особенно «Вертограда Многоцветного» звучат упреки в излишнем дидактизме. Такой подход кажется нам неоправданным с точки зрения исторической поэтики, когда произведение древнерусской литературы характеризуется с позиций современности. Нам кажется, что важнее помнить: древнерусская литература и ее образцы в начале – середине XVIII в. носили преимущественно дидактический, учительный характер, и эта традиция отразилась в полной мере в произведениях российского классицизма и предромантизма, где дидактизм был уже не основным содержательным элементом (например, творчество В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова, младших современников А.С. Пушкина – С.Е. Раича, Д.П. Ознобишина, С.П. Шевырева и некоторых других).

Автор характеризует как обобщенные явления (земля, космос), так и частные проявления человеческих качеств и детали человеческого облика, внешнего и внутреннего. (Кроме прямого цитирования, во всех остальных случаях лексика «Вертограда Многоцветного» представлена в современном правописании).

Земля

Земли три части мокнут под водами,
Четверта токмо суха под ногами
Всѣх есть ходящих и разум имущих
И зверей сущих [5, с. 119].

Любовь к подданным

Егда за грѣх Давыдов Бог люди казняше
всегубителством, тогда Давыд воприаше:
Аз есмь грѣх сотворивый, Боже обратися
на мя с казнью Ти, сим милостив явися.
Оле любве царския! Сам хошет умрети,
аки отец ли мати за любыя дѣти [5, с. 273].

Самая частотная тематическая группа в книге – *человек*. В составе этой общей тематической группы вычленяются следующие микротемы:

Деятельность: извинение, измена, инок, иночество, исправление, клевета, клеветник, кознь, ласкание, лихоимство, мзда, назирание, наказание, начальник, начальство, небрежение, непокорство, непослушание, нерадение, побор, подражание, поклон, покорение, помощь, помысл, попечение, послушание, последование, посмеяние, почитание, пьянство.

Чувства: желание, заблуждение, зависть, искушение, любовь, любовь к подданным, любовь и ненависть, любовь к людям, любодейство, любочестие, надежда, страх, ненависть, огонь любви, огонь похоти, печаль, похоть.

Добро – зло: добро, жестокосердие, злоба, злонравие, злословие, заслуга, милость, милость господская, милость к врагам, милостыня, неблагодарствие, добродетель, пакость, порок.

Характер: кротость, крепкодушие, лицемерие, леность, мудрость, мудрствование, мудрость и вежество, нрав.

Жизнь – смерть: жизнь, здравие, конец жизни, мертвец, младость, мученик, погибель, погребение.

Части тела: зрение, зубы, лицо, око простое и лукавое, плоть.

Родство: жена (злая, равная, блудная), «жених – Христос, невеста – душа» [5, с. 38].

Судьба: жребий, затвор.

Состояние: немощь, нищета.

Семья: женитьба.

Память: забвение.

Профессия: купечество.

Прочее: излишество, кровь, молчание, низость и высота, пособие.

Как видим, наиболее «проработанными» в «Вертограде Многоцветном» являются темы, связанные с деятельностью человека, миром его чувств и представлений о добре и зле, характере, вопросами бытия (жизнь и смерть). Далее по частотности следуют:

Основные постулаты церковного учения: ересь, еретик, жертва, грех, змий враг, закон, «Закона ветхаго и новаго разнствие» [5, с. 82], заповеди Христовы, знамения, иго – Христово, эллинское, иудейское, иго мира, иго греха; истинное, идол, идолослужительство, исповедь, казнь, казнь сыну за отца, казнь и грех, казнь вечная, камень, камень есть Христос, клирик, ключ, клятва, книга и молитва, корень грехов, крест, месть, или отмщение, креста знамение, крещение, купина, любовь к врагам, литургия, манна, меч, меч из уст Христовых, мзда небесная, милость Божия, мир Христов, молитва, молитва соборная, молитвы ко святым, неверие, овца, овцы Христовы, огонь, орел, пир, писание Святое, плач, покаяние, помазание, помин мертвых, пост, пост и молитва.

В качестве примера приведем два стихотворения из данной тематической группы.

Ересь

Проказа есть ересь, тою поврежденный
Воистину душею есть муж прокаженный.

Таковаго блюстися вѣрным подобает,
Общество бо с сицевым смертно повреждает [5, с. 8].

Любовь ко врагом

Не любящия тебя ты да возлюбиши,
Такого богоподобен сын ся сотвориши.
Бог и на враги свѣт Свой и росу пускает,
Тебе благо творити врагом научает [5, с. 272].

Культура: знание, знание Бога, икона, икона Богородицы, истина, книга, книга жизни, красота, мир, мир есть книга, монастырь, мысль (злая, скверная), мера, наследие, невежда, неделя, незнание, общество, отчество (отечество).

Святые и церковные иерархи: епископ, митрополит Павел, иерей, иерейство, Иоанн, Иоанн Предтеча, Иоанн Богослов, Иов, Иосиф, Мария Дева, Мария безгрешна, Мариа Магдалена, Михаил, мать Евфросиния, монах, Моисий, Павел, пастырь.

Иисус Христос: «Слепаго и глухаго Христос исцеляет...» [5, с. 12], «Род Христов по плоти Матфеем писался...», «Еваггелисти» [5, с. 13], житие Христово; зачатие Христово; имя Божие; «Христос Господь изволен вѣрным завѣщати, // еже царства и правды прежде всѣх искати...» – «Искание царствия» [5, с. 119], Иаков и Христос,

Иисус, любовь Божия к нам, Отец Бог, Отец Христос, Отец светов, Отче наш, пастырь Христос, плоть и кровь Христова.

Тематические группы *вещи* и *природа* практически равновелики:

Вещи: золото, лакомство, серебро, оружие, пища и питье.

Природа: крыло, море, небо, ночь и день.

О чем бы ни писал С. Полоцкий в книге, вирши соотнесены с христианским мировоззрением, что делает членение на микротемы в значительной степени условным.

С. Полоцкий сочинил также две комедии для зарождавшегося театра: «Комедия о Навуходносоре царе, о теле злате и о трех отроцах в печи не сожженных» и «Комедия притчи о Блудном сыне» (она пользовалась особенным успехом). Эти произведения С. Полоцкого имеют скорее историко-литературное, чем художественное, значение.

Влияние С. Полоцкого на московскую действительность определяется не его поэтическими или драматургическими опытами, а идеями, которые он провозглашал как священнослужитель и богослов. Он активно отрицал косность и неподвижность московской церковной жизни, утверждал мысли о необходимости образования и просвещения. В Москве он основал литературно-научную школу, выдающимся представителем которой стал его ученик и соратник Сильвестр Медведев. Именно С. Полоцкий проверял учительские способности Никиты Моисеевича Зотова, ставшего наставником будущего императора Петра I.

Для обучения и воспитания в дом Романовых приглашались также иностранные литераторы. Первым среди них был воспитатель царевича Алексея Петровича, памфлетист, барон и впоследствии канцлер Померании Мартин Нейгебауэр. Этот опыт оказался неудачным. В 1699 г. Нейгебауэр был приглашен в Москву для воспитания сына Петра I генералом Карловичем. В связи с тем, что Карлович в марте 1700 г. был убит, приезд Нейгебауэра оттянулся и состоялся лишь в июне 1701 г. Исследователи Петровской эпохи и биографы русского императора не считают выбор наставника удачным. И не потому, что он мало знал (Нейгебауэр был весьма образованным человеком), но по причине несдержанности его характера и избыточной амбициозности. Немецкий педагог хотел подчинить всех учителей и воспитателей царевича себе, более того, просил, чтобы всех русских учителей удалили от царевича, конфликтовал с русскими учителями и, что особенно существенно, не ладил с ближайшим сподвижником Петра I А.Д. Меншиковым, который являлся главным надзирателем за обучением и воспитанием Алексея Петровича. Меншиков запретил Нейгебауэру употреблять титул «гофмейстер», но «писаться информатором (учителем) царевича», «понеже принято по достоинству за противное, что такой не шляхетный и не заслуженный человек дерзнул претендовать самовольно воспреискать такой высокой титул». В результате Нейгебауэра от службы отстранили [17]. Вскоре он был посажен под арест. Его обвиняли в том, что он самовольно письменно именовал себя гофмейстером. Нейгебауэр просил только одного – свободно выехать на родину. Дело было завершено в июле 1702 г., однако выпущен он был из России лишь в 1704 г. 20 августа он был отправлен в Архангельск, а оттуда на гамбургском корабле в Германию [6]. В том же году Нейгебауэр без указания своего имени выпустил брошюру-памфлет «Письмо знатного немецкого офицера к тайному советнику одного высокого владетеля о дурном обращении с иноземными офицерами, которых вызывают к себе на службу Московиты», вызвавшую резко негативную реакцию Петра I. Памфлет выдержал 4 издания, однако вскоре был присужден к публичному сожжению в Пруссии и Саксонии [6].

Среди наставников великих князей были два выдающихся церковных деятеля XVII – первой половины XVIII столетия: Феофан Прокопович и Симон Тодорский. Феофан Прокопович (в миру Елиазар (Елисей), настоящая фамилия Церейский), архиепископ Русской православной церкви, богослов, знаменитый проповедник и государ-

ственный деятель, сподвижник Петра I, воспитатель великого князя Петра Алексеевича, писатель и учёный. Родился он в семье небогатого купца в Киеве, учился в Киево-Могилянской академии, но из-за недостатка средств завершить образование не сумел. С 17-ти лет странствовал по Европе. В Польше, чтобы иметь возможность продолжать образование, принял католичество. С 1698 г. учился в коллегии св. Афанасия в Риме. Прослушав в этой коллегии полный курс, обогатился глубокими знаниями в богословии и философии, в классической древней литературе, своими выдающимися способностями обратил на себя внимание папы, но не захотел оставаться в Ватикане. В 1701 г., тайно оставив Рим, направился в Россию. Во время пути познакомился с немецким протестантизмом. В 1702 г. в Почаеве воссоединился с Русской православной церковью и вскоре начал преподавать богословие, философию, риторику и поэтику в Киевской академии. По всем этим предметам составил руководства, отличающиеся ясностью изложения и отсутствием схоластических приемов, издал популярные рассуждения, диалоги и проповеди о различных проблемах богословия. Все эти сочинения отличались живым, ярким и образным языком и стремлением к критическому анализу.

Являясь преподавателем пиитики и следуя традициям, требовавшим создания драматических произведений для школьной сцены, Феофан написал «трагедокомедию» «Владимир». В ней он изображал победу христианства над язычеством и осмеивал жрецов, как поборников суеверия и невежества, выступил горячим защитником просвещения и сторонником начатой уже Петром Великим решительной борьбы со старыми русскими предрассудками. В своих проповедях Феофан горячо восхвалял преобразования Петра I. Одна из них (по случаю победы в Полтавской битве) по приказанию Петра самим автором была переведена на латинский язык.

Глубоко осмыслив увиденное и пережитое, стал резко отрицательно относиться к католицизму и сочувственно к протестантизму, что высоко оценил царь Петр. Во время турецкого похода 1711 г. Феофан Прокопович был вызван в царский лагерь, а после возвращения был поставлен игуменом Братского монастыря и ректором академии.

К этому периоду относятся поэтические произведения Ф. Прокоповича, которые посвящены военным событиям российской истории («За могилу Рябою»), силе духа русского человека («Кто крепок, на Бога уповая...») и др. [7]. В стихотворении «За могилу Рябою» в центре внимания автора – бой между казачьей российской дружиной и войском «турчина многолюдным». Суровость сражения передана прежде всего через употребление эпитета *страшный*: «Российские силы // на отворот загремели. // Страшно гремят и облаки, // да страшный там Марс жестокий». Сражение не стало победным, но финал предполагает продолжение баталий и победу россиян:

Не судил бог христианства
освободить от поганства,
еще не дал сбить поганства.
Магомете, Христов враже,
да что далший час покаже,
кто от чиих рук поляже.

В стихотворении «Кто крепок, на Бога уповая...» плоть противопоставлена духу, ибо, «на Бога уповая», человеку «не страшен мучитель зверовидный, // Не страшен из облак гром парящий». С мыслью о Боге в душе и на устах, утверждает автор стихотворения, «и самый страх нестрашный».

Петр Великий, узнав образ мыслей Феофана и убедившись в его выдающихся способностях, в 1716 г. вызвал его в Петербург. В 1718 г. Феофан – епископ псковский. С этого времени он становится главным помощником Петра Великого в делах духовного управления. Через его руки проходят, им составляются или редактируются все важнейшие законодательные акты по делам церкви; по поручению царя он пишет пред-

словия и толкования к переводам иностранных книг, учебники, богословские и политические трактаты и прочее. Им составлен «Духовный регламент» (1720 г.) [8], в котором изложены правила о новом отношении церкви к государству. В «Регламенте» Ф. Прокопович представил план устройства духовных школ в России и, главным образом, создания и деятельности духовной академии. Автор считал, что учиться в ней могут дети духовенства, дворянства, других сословий, т.е. академия должна быть многосословной. «Учение доброе и основательное есть всякой пользы, как отечества, так и церкви, аки корень и семя и основание. Но сие накрепко наблюдать подобает, чтоб было учение доброе и основательное», – писал он в самом начале «Духовного регламента» и формулировал 24 правила, способствующие успешному функционированию учебного заведения. Эти правила вполне могли бы распространяться не только на духовную академию, но и светские учебные заведения.

«Регламентом» оговаривалось число учителей первого и последующих лет обучения (один-два преподавателя в первый год для обучения языкам: латинскому или греческому или обоим одновременно; в последующие годы число педагогов должно увеличиваться в связи с увеличением числа изучаемых предметов). Особое внимание уделяет Ф. Прокопович профессиональным качествам учителей: «Искушать всячески, каков в деле своем есть, кто хочет быть учитель школы; например: желая ведать, искусен ли в языке латинском, велеть ему сложение русское перевести на латинское, такоже латинское слово некоего славного в языке том автора, перевести на русское, и велеть искусным осмотреть и освидетельствовать переводы его, и тотчас покажется, совершен ли есть или средний, или и того ниже, или весьма ничего. Суть же и иных учений свойственные искушения, которые мощно будет особенно списать».

Отдельный пункт посвящен методике подачи материала. Учителя должны «исперва сказывали ученикам своим вкратце, но ясно, кая сила есть настоящего учения: грамматики, например, риторики, логики и пр. И чего хотим достигнути чрез сие или оное учение, чтоб ученики видели берег, к которому плывут, и лучшую бы охоту возымели, и познавали бы повседневную прибыль свою, такоже и недостатки». Естественно, что подробно и образно, в свойственном Ф. Прокоповичу стиле говорилось о преподавании богословия. Преподаватель этого предмета обязан «знать силу и толк писаний; и все бы догматы укреплял свидетельством писаний».

Важным условием для работы школы, говорится в «Регламенте», является наличие «библиотеки довольной. Ибо без библиотеки, как без души, академия». Среди необходимых средств наглядности названы циркули, глобус.

Характеризуя перечень учебных предметов, Ф. Прокопович выделяет, помимо богословских дисциплин, следующие:

- «1) Грамматика купно с географиею и историею.
- 2) Арифметика и геометрия.
- 3) Логика или диалектика, и едино то двоименное учение.
- 4) Риторика купно или раздельно с стихотворным учением.
- 5) Физика, присовокупити краткую метафизику.
- 6) Политика краткая Пуфендорфов аще она потребна судится быть; и может она присовокупитися к диалектике»

(Самуэль Пуфендорф (1632–1694) – немецкий юрист, представитель естественно-правового учения в Германии).

Перечислены в документе требования к ученикам («Новопришедшего ученика отвещать память и остроумие и, если покажется весьма туп, не принимать во академию. Ибо лета потеряет, а ничего не научится»), ректору, педагогам. Жестокое наказание предлагает автор тем, кто «за мзду поданную» нарушает правила жизни и обучения. Подробно расписано, где, в каком виде и месте должна существовать академия, какими должны быть условия проживания, обучения и отдыха учащихся, какова роль «префек-

тов» (воспитателей и наставников), каковы их права, в том числе и в наказании провинившихся. В результате обучения семинарист должен прийти «в совершенный разум и к большому учением достигнет, то должен учинить в церкви семинарийской при прочей братии своей присягу на том, что хочет он быть верен царскому величеству и его наследнику и готов к службе, до которой угоден есть и позван будет указом государевым...».

Ф. Прокоповичу принадлежат труды, посвященные рассуждениям о браках с иноверцами, о крещении, о расколе, подробный комментарий к «Уставу о престолонаследии» под заглавием «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей» и многое другое [9]. С 1720 г. Ф. Прокопович был архиепископом новгородским, затем – первенствующим членом Святейшего Синода.

Серьезные занятия естествознанием поставили перед Ф. Прокоповичем вопрос о соотношении науки и Библии. Он пришел к выводу, что наука не может заменить Откровения; единственное, что она может сказать о Боге, – это признать в Нем Перводвигатель Вселенной. В то же время он считал, что Библия не должна рассматриваться как источник научных знаний. Он рекомендовал изъяснять Библию юношам на русском языке.

Ф. Прокопович был глубоким сторонником преобразований Петра Великого, много сил и внимания отдал развитию в России науки и культуры, в частности, поддерживал молодого М. Ломоносова, Симона Тодорского и других. Феофан внес большой вклад в постсредневековую культуру России. Он активно способствовал организации в России Академии наук.

Как литературовед Ф. Прокопович в своих «Поэтике» и «Риторике» популяризирует теоретиков античности, эпохи Возрождения, барокко. Он признает искусство, утвержденное определенными правилами и наставлениями, искусство, приносящее «услаждение и пользу!», но поддерживает и принцип правдоподобия. Порицает Феофан «буйство» слога, «темноту» стиля, неумеренное употребление тропов и фигур, различные виды «трудных пустяков» и «куриозных» стихов. В области драматургии он сторонник пятиактного построения пьесы, малого числа действующих лиц (стоит напомнить, что в школьной драме «Страшное изображение второго пришествия господня на землю» 1702 г. число их доходило до 140), сведения фабульного времени к минимуму (от одного до трех дней), чтобы события, играющие роль предыстории, излагались в репликах персонажей. Кроме трагедии и комедии Феофан допускает, опираясь на авторитет Плавта с его «Амфитрионом», промежуточный драматический жанр – трагедокомедию. До Ломоносова он предлагает в «Риторике» различать три слога: высокий, средний и низкий. Все эти идеи Прокоповича предвещали будущий классицизм, утверждение которого на русской почве связано с именами Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова.

Идеалами Ф. Прокоповича были просвещенный человек и сильное просвещенное государство. В своих трудах он сатирически изображает современную ему русскую жизнь и в этом смысле может быть назван первым сатириком, первым представителем того направления, к которому впоследствии примкнули наши лучшие литературные силы. Он оказал сильное влияние на Кантемира, сатиры которого нередко являются только перифразом проповедей Феофана; на историка В.Н. Татищева, взгляды которого на русскую историю и современность вырабатывались в школе Феофана (он участвовал в написании Истории Петра Великого, изданной в 1773 г.).

Г. Остерман назначил Ф. Прокоповича и академика Гольдбаха учителями Петра Алексеевича, внука Петра I. Выбор этот, если учесть опыт и взгляды Феофана, был весьма удачен. Феофан был в числе тех, кто провожал в последний путь Петра Великого. Историк С.М. Соловьев так описывает эти минуты прощания с царём: «По окончании литургии в соборе взошел на кафедру Феофан Прокопович и произнес знаменитую проповедь, начинавшуюся словами: «Что се есть? до чего мы дожили, о россияне! что

видим? что делаем? – Петра Великого погребаем!». Проповедь была кратка, но говоренье ее продолжалось около часа, потому что прерывалось плачем и воплем слушателей, особенно после первых слов. В утешение оратор решился сказать: «Не весьма же, россияне! изнемогаем от печали и жалости: не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет; сделал добрым любимую, любима и будет; сделал врагом страшную, страшна и будет; сделал на весь мир славную, славная и быти не пристанет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Ибо, оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам» [3; 10].

После смерти Петра I авторитет Ф. Прокоповича пошатнулся, усилился ропот духо-венства по поводу его далеких от ортодоксии, «лютеранских» взглядов. Однако он упрочил свое положение в 1730-е гг. при Анне Иоанновне, расправляясь с противниками посредством доносов в Тайную канцелярию. В жестокой борьбе Ф. Прокоповичу удалось избежать участи А.Д. Меншикова и других единомышленников императора Петра I [11].

Симон Тодорский (Симеон; в миру Симеон Фёдорович Тодорский), архиерей Русской православной церкви, переводчик, филолог, проповедник, законоучитель Петра III и Екатерины II, он родился в Золотоноше, близ Киева. Обучался в Киевской духовной академии (1718–1727 гг.), затем жил в Ревеле, после чего продолжил образование в Галле (Германия). Знал в совершенстве еврейский, сирский, халдейский, арабский, греческий, латинский и немецкий языки. В Галле С. Тодорский перевёл с немецкого «Книгу об истинном христианстве» Иоганна Арндта и «Учение о начале христианского жития» Анастасия Проповедника. Книги были изданы в Галле в типографии Копиевича (1735 г.), однако в России первая из этих книг в 1743 г. была запрещена императрицей Елизаветой Петровной, несмотря даже на то, что в это время Симон был уже членом Синода и придворным проповедником. После Галле Симон работал «с иезуитами на разных местах», потом преподавал греческий язык в Белграде. После возвращения в Киев с 1738 г. преподавал в Киевской духовной академии греческий, древнееврейский и немецкий языки (был первым систематическим преподавателем этих дисциплин). По оценке протоиерея Георгия Флоровского, С. Тодорский был «большой знаток языков греческого и восточных, ученик знаменитого Михаэлиса».

Как следует из материалов псковского краеведа О.А. Кудрявцевой, Псковской епархией и духовной семинарией С. Тодорский «руководил заочно, так как жил постоянно в Петербурге... Каменное здание семинарии, построенное в конце 1730-х гг. рядом с Псково-Печерским подворьем, при Симоне Тодорском было отстроено заново после пожара. Здесь жили студенты за казенный счет... При Симоне Тодорском четко определяются временные рамки учебного года в семинарии (с 8 сентября до 11 июля – в память св. Ольги), вводится преподавание богословия, уточняются списки студентов, не способных к продолжению учебы, которых следует исключить» [12].

В связи с нехваткой книг, необходимых для обучения в семинарии, С. Тодорский разрешал пользоваться книгами из своего келейного собрания. Исследователь жизни и деятельности С. Тодорского В.В. Щукин, описавший в начале XIX в. собрание С. Тодорского в архиве Седова, указывал, что библиотека состояла из 800 томов: в ее составе были не только богословские книги, но и литература античных авторов: Квинта Курция, Корнелия Непота, Цицерона, Овидия, Эзопа, Епиктета и др. [13].

17 мая 1740 г. Симон был пострижен в монахи (с сохранением имени) и получил должность катехизатора. В 1742 г. по рекомендации митрополита Киевского и Галицкого Рафаила Заборовского вызван именным указом Елизаветы ко двору и назначен законоучителем и воспитателем наследника, Карла Петра Гольштейн-Готторпского, будущего Петра III. После перехода Петра в православие Симон оставался его духовни-

ком, а с 1744 г. был воспитателем и духовником его невесты – Софии Фредерики Цербстской, будущей Екатерины II.

С 1743 г. С. Тодорский – архимандрит Ипатьевского монастыря в Костроме, член Святейшего Синода, а в 1745 г. он был рукоположен в сан епископа Костромского и Галицкого, однако исполнял эти должности заочно, при дворе. Через пять месяцев формально «переведён» на Псковскую и Нарвскую кафедру, оставаясь в Петербурге. Увеличил расходы на содержание семинаристов в Псковской Духовной семинарии, подарил ей свою богатую библиотеку с книгами на редких языках. В 1748 г. С. Тодорского был возведён в сан архиепископа, в 1749 г. освобождён от обязанностей духовника.

Обширные познания Симона в области библейской филологии помогли его ученикам Иакову Блонницкому и Варлааму Лящевскому в работе над подготовкой новой церковнославянской Библии (т.н. Елизаветинской), изданной в 1751 г., Собственные труды Симона остались в рукописи.

По случаю высокаторжественных событий Симон произносил публично проповеди, печатавшиеся по распоряжению императрицы Елизаветы большими тиражами; он считался одним из крупнейших мастеров красноречия своего времени [14]. (Подробный разбор проповеди С. Тодорского «Божие особое благословение» произведен Е.И. Кисловой [15]). Екатерина II в своих мемуарах неоднократно с большим уважением пишет о своём наставнике в православии – «епископе Псковском» [16]. Умер С. Тодорский в 1754 г., похоронен в Троицком соборе в Пскове. Почитался как местночтимый святой.

Как видно из приведенных выше материалов, уже на стадии формирования института домашних воспитателей при дворе Романовых к делу обучения и воспитания царских детей привлекались известные деятели литературы, как светской, так и духовной. Эта традиция глубоко закрепилась и развивалась в последующие периоды и не прекращалась до трагической кончины Николая II и его семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспитатель Петра Великого – Симеон Полоцкий: О великом белорусском просветителе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istorya.ru/forum/index.php?showtopic=3325>.
2. Полоцкий, С. Жезл правления на правительство мысленного стада православно-российской церкви / С. Полоцкий. – М. : Печатный двор, 1753.
3. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен : в 29 т. / С.М. Соловьев. – М., 1962. – Т. 13, гл. 2.
4. Полоцкий, С. Псалтирь в стихах (рифмотворная) / С. Полоцкий, С. Ушаков. – М., 1680.
5. Полоцкий, С. Вертоград Многоцветный / С. Полоцкий ; подг. текста и коммент. А. Хипписли, Л. Сазоновой. – Böhlau Verlag Köln Weimar Wien, 1999. – Т. 2: «Емануил» – «Почитание 2».
6. Пекарский, П.П. Наука и литература в России при Петре Великом / П.П. Пекарский. – СПб., 1862. – Т. I. – С. 64–90; Непотребный сын: Дело царевича Алексея Петровича. Серия «Исторические факты и литературные версии»; Нейгебауэр Мартин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/9223>.
7. Прокопович, Ф. Сочинения / Ф. Прокопович. – М.–Л., 1961. – Т. 1.
8. Прокопович, Ф. Духовный регламент / Ф. Прокопович // Полн. собр. законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. IV. № 3718. – С. 314–346.
9. Прокопович, Ф. Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные / Ф. Прокопович. – СПб., 1760–1774. – Ч. 1–4 // Ф. Прокопович Сочинения / под ред. И.П. Еремина. – М.–Л., 1961.

10. Прокопович, Ф. Слово на погребение Петра Великого / Ф. Прокопович // Якимов, В.А. О красноречии в России до Ломоносова. Сочинение, писаное на степень доктора философского факультета / В.А. Якимов. – Харьков, 1838. – С. 17–18; http://az.lib.ru/p/prokorowich_f/.

11. Автухович, Т.Е. Прокопович Феофан / Т.Е. Автухович // Словарь русских писателей XVIII в. – СПб., 1999. – Ч. 2: К–П. – С. 488–496; Вдовина, Л.Н. Феофан (Прокопович) / Л.Н. Вдовина // Общественная мысль России XVII – нач. XX вв. : энцикл. – М., 2005. – С. 577–579; Ольшевская, Л.А. Прокопович Феофан / Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников // Русские писатели. XVIII век : биобиблиограф. словарь. – М., 2002. – С. 162–166; Соловьев, С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. – Т. 18, гл. 4; Морозов, П.О. Феофан Прокопович как писатель / П.О. Морозов. – СПб., 1880; Чистович, И.А. Феофан Прокопович и его время / И.А. Чистович. – СПб., 1868; Винтер, Э.Ф. Прокопович и начало русского просвещения / Э.Ф. Винтер // XVIII век. – М.–Л., 1966. – Сб. 7.

12. Кудрявцева, О.А. Книги иностранной печати Симона Тодорского, архиепископа Псковского и Нарвского [Электронный ресурс] / О.А. Кудрявцева. – Режим доступа: <http://pskov-palomnik.ru/index.php?com=pages&page=467>.

13. Щукин, В.В. Симон (Тодорский), архиепископ Псковский и Нарвский : биографический очерк / В.В. Щукин. – Псков, 1899. – С. 53.

14. Поучение на 10 февраля. – М., 1743; На брак великого князя Петра Федоровича с Екатериною. – М., 1745; На день рождения императрицы Елизаветы. – М., 1746; В день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны. – М., 1747; Переводы: Иоанн Арнтд, Четыре книги об истинном христианстве (Галле, 1735); Проповедник Анастасий, Наставление к истинному познанию и душеспасительному употреблению Страдания и смерти Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа (Галле, 1735); А.Г. Франке, Начало христианского учения (Галле, 1735); Пять избранных псалмов царствующего пророка Давида с преизрящими песнями похвалимы двоих церковных учителей Амвросия и Августина (Галле, 1730).

15. Кислова, Е.И. Проповедь Симона Тодорского «Божие особое благословение» и бракосочетание Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны / Е.И. Кислова // Литературная культура России XVIII в. / под ред. П.Е. Бухаркина, Е.М. Матвеева, А.Ю. Тираснопольской. – СПб., 2009. – Вып. 3. – С. 115–138.

16. Щукин, В. Симон (Тодорский), архиепископ Псковский и Нарвский : биографический очерк / В. Щукин // Псковские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1898, № I; 1899, № XIV; Записки императрицы Екатерины Второй. – М., 1989.

17. Молева, Н. Ошибка канцлера [Электронный ресурс] / Н. Молева. – Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/moleva_nina/oshibka_kanclera/read/.

Dudnikova O.G. Secular and Ecclesiastical Literary Men – the Governors of Tsars' Children (Periods Before and During Peter I)

Home upbringing and education at the Romanov court had rather quick formation and development. The idea of Russian tsars' ignorance and primitivism which exists on the level of everyday consciousness on closer examination turns out to be no more than an ideologized myth that they have been creating from the twenties of the XX century. A large number of people were engaged in the upbringing and education of tsars' children at once since the origin of this institution at the court of Russian monarchs. They were representatives of varied activities: from church people and military men to teachers of highly specialized disciplines. This fact indicates that royal parents aimed at giving versatile upbringing and education to great princes and princesses for the purpose of their fruitful preparation for further service. In addition to the information about the teaching activity of the literary men – home governors at court before and during Peter I periods – the description of S. Polotsky's and F. Prokopovich's works, created specially for the lessons with tsar's children, is given.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.02.2013